

УДК 304.9+101.9

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.73-79>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Становление личности западноевропейского революционера: социально-философский анализ

Савельева А.Б.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Автор статьи ставит вопрос генезиса типа личности революционера в западноевропейской истории и современности. В статье рассматривается становление личности революционера как одного из наиболее социально-значимых результатов развития новоевропейского социума. Исследуется путь становления западноевропейской индивидуальности как историческое условие появления личности революционера. Проводится сопоставительный анализ трех социальных типов личности – революционера, бунтаря и террориста – по критерию различия их отношения к характеру, способам, целям социальных изменений современного мира. Подчеркивается острая необходимость различения трех этих социальных типов не только в теории, но и – что важнее – в практиках динамики современных социально-политических процессов, где наряду с кардинальными изменениями идут процессы симулякризации личностных форм социальных феноменов, и псевдореволюционные формы мимикрируют под революционность. Автор приходит к выводу, что в современном обществе тип личности революционера значим и социально востребован, однако теоретически сложно диагностируем, поскольку на практике не стал пока полностью сформировавшимся субъектом социального действия.

Ключевые слова: революция, революционер, индивидуальность, личность, бунтарь, террорист

Для цитирования: Савельева А.Б. Становление личности западноевропейского революционера: социально-философский анализ. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)):73–79.

The Formation of the personality of a Western European Revolutionary: a socio-philosophical analysis

Savelyeva A.B.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract: The article raises the question of the genesis of the personality type of a revolutionary. The author of the article considers the social personality type of a revolutionary as one of the most important stages in the formation of a new European personality. The author compares the social personality types of the rebel, terrorist, and revolutionary to demonstrate the distinctive features

of the latter, as well as to determine its place in modern social processes. It is revealed that a revolutionary has different criteria for acting in the social space compared to a terrorist. The author comes to the conclusion that in modern mass society, the personality type of a revolutionary remains significant, despite attempts to identify with the personality type of a terrorist. The author comes to the conclusion that in modern society, the personality type of a revolutionary is significant and socially in demand, but theoretically it is difficult to diagnose, since in practice it has not yet become a fully formed subject of social action.

Keywords: revolution, revolutionary, individuality, personality, rebel, terrorist

For citation: Savelyeva A.B. The Formation of the personality of a Western European Revolutionary: a socio-philosophical analysis. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):73–79. (In Russ.)

Социально-философский анализ особенностей личности революционера на первый взгляд представляется темой неожиданной и, казалось бы, несвоевременной или чисто исторической. Однако это не так. Сегодня мир меняется стремительно, во всех областях жизни социума идут кардинальные перемены, и есть все основания предполагать, что эти изменения носят революционный характер. А это значит, что в таких процессах участвуют люди, готовые и способные взять на себя ответственность за результаты осуществляемых преобразований, даже если никто не называет их революционерами. Конечно, нужно понимать, что способность и готовность – не одно и то же, что отсутствие таких людей может погасить революционный характер процесса, но потенциально эта революционность возможна. Кроме того, в современном мире есть силы, которые осознанно или нет, но мимикрируют под революционность. Перевертыши осуществляются иногда незаметно для самих участников. Это связано с самой природой капитализма, которую прекрасно диагностировал Бодрийяр, показав, что сам капитализм разворачивает пространство симулякризации, создавая феномены-пузыри, которые могут конструировать мнимые формы [1]. Так, например, всем известна фраза, авторство которой сегодня сложно установить: «идущий влево приходит направо», что произошло, например,

с так называемыми новыми левыми, которые эволюционировали и превратились в современных левых либералов, радикальность которых «является в конечном счете пустым, ни к чему не обязывающим жестом» [2, с. 23], поскольку все они заняты «насаждением безопасного, безвредного, безобидного сопротивления» [2, с. 23], не создающего абсолютно никакой опасности для системы. Представители либерально-демократического лагеря сегодня с удовольствием играют левыми революционными фразами, производя новые и новые симулякры. Помимо этого, нередко *террористы* пытаются представить себя миру как революционеров-героев борьбы с косными общественными порядками и антинародными правительствами. В целом, потенциальная возможность революционных процессов натывается на сложность и неоформленность субъектов социального действия. В этих обстоятельствах анализ типа личности революционера представляется чрезвычайно актуальным.

По-видимому, в традиционных обществах становление особого типа людей, готовых своими действиями изменять мир вокруг, проходило в некотором синкретичном модусе: воин, бунтарь, реформатор – появление и развитие подобных образов осуществлялось в едином пространстве и процессе и всегда было связано с усилением индивидуального начала. Так, еще в Античности, когда человек мыслит

себя как микрокосм в большом Космосе, появляются индивидуальности: можно вспомнить Сократа, Фидию, Перикла и других, «выпадающих» из большинства, стремившихся к преобразованию, совершенствованию и развитию греческого полиса. Индивидуальности, конечно, существовали, но они были избыточны по отношению к всеобщности полиса. Эту оторванность сознает уже Платон, когда пишет «Следовательно, толпе не присуще быть философом» [3, с. 217]. Несколько больший интерес в отношении собственной индивидуальности рождается в период Римской Античности, что, например, находит проявление в появлении жанра посмертной маски, а затем и знаменитого римского портрета. Если грек работал над собой (прежде всего, над своим телом как объектом трудов и усилий), то римлянин стремился запечатлеть себя в веках таким, какой он есть. Тем не менее, подобные точки роста индивидуального начала не могли породить феномена революционера ни в период греческой, ни римской античности, исторический максимум этой эпохи – фигура реформатора (Перикл) и фигура бунтаря (Спартак). Однако бунтарь – и в Античности, и в наше время – стремится к разрешению лишь частных вопросов, например, к восстановлению нарушенных прав. Он не нацелен на изменение существующего строя, он требует лишь устранения источника притеснения лично себя и своей социальной группы. Фигура реформатора тоже весьма условна, ведь реформатор пытается провести изменения в жизнь полиса, как правило, наиболее мягким и безболезненным способом, что может вновь указывать на стремление сохранить существующий строй и порядок общества. Именно поэтому в исторический период античности появляются различные социальные типы, появляется, по выражению Л. Баткина, своеобразная форма рождения лич-

ностного начала – пред-индивидуальность, но о формировании в это время личности революционера говорить не приходится.

В Средневековье на смену античному полису, частью которого считал себя человек, приходит совершенно иное социальное образование – церковная община, без которой средневековый человек не мог мыслить собственное существование. «Вступая в число христиан и получая возможность спасения, человек вместе с тем отказывался от собственной индивидуальности» [4, с. 272] – именно так можно охарактеризовать непрямой путь становления личностного начала средневекового европейца. Даже исповедь, мир, в котором могла проявиться индивидуальность, «единственный, тотальный, ценностный мир, в котором индивид тогда смел сказать: «Я» [5, с. 75], предполагала лишь ограниченный набор возможностей самоопределения – через понятие греха, вины и т.п. Средневековье – время господства анонимности во многих видах творческой деятельности: Творцом виделся только Бог, человек же мыслился как послушный инструмент в руках Бога. У члена церковной общины не было необходимости в самовосхвалении, не было стремления к личной славе. Конечно, появляются некоторые точки роста индивидуальности новоевропейского человека, например, появление в философии категории «этовости», которая, по Дунсу Скоту, делает вещь индивидуальной, отличной от прочих вещей этого вида [6]. Или появление средневекового рассказового жанра *exemplum*, опирающегося не только на сборники примеров, имевшихся в распоряжении проповедника, но и хотя бы отчасти на индивидуальность сказителя. Тем не менее, все эти моменты были лишь исключением, а не всеобщей тенденцией: Средневековье лишь продолжает традиции античной пред-индивидуальности, порождает фигуру бунтаря,

но не революционера. Бунт и восстание, хотя и являются попытками выразить недовольство существующим порядком, однако сдерживаются еще и религиозным фактором, диктующим обязанность относиться к существующей власти как к проявлению божественной воли. Восставать против власти и правителя значит восставать против воли Бога, что, несомненно, может быть наказуемо не только в жизни земной, но и в потусторонней. Таким образом, пред-индивидуальность средневекового человека находит мало возможностей не только для выражения социального недовольства, но даже и для отстаивания собственных интересов.

Пред-индивидуальность, сформированная в Античности и Средневековье, становится основанием для формирования западноевропейской индивидуальности периода Ренессанса, наиболее полно раскрывшейся в феномене титанизма. Именно титанизм позволил человеку эпохи Возрождения создать наряду с религией, верой, церковью новую жизненную сферу – сферу секуляризованного, светского искусства. Именно оно позже будет удовлетворять духовную эстетическую потребность участников революционных событий. Нельзя не добавить к этому, что наряду с искусством развивается еще одна относительно самостоятельная область общественной жизни, в которой теперь может принимать участие значительное количество людей – политика. Искусство и политика вместе формируют человека этого периода. Наиболее ярким примером участия в художественно-эстетической и политической жизни, конечно, будут представители итальянского Возрождения, для которых особенно характерно то, что «они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в *практической борьбе*, становятся на сторону той или иной партии и бо-

рются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе» [7, с. 347]. Яркие индивидуальности сталкиваются, соревнуются и, конечно, конфликтуют между собой. Именно поэтому феномен ренессансной индивидуальности в социальной и политической философии представлен концептом «обратной стороны титанизма», о чем пишет А.Ф. Лосев в работе «Эстетика Возрождения». В этом концепте автор схватывает всю сложность и стихийность процесса индивидуализации западного европейца. «Мечтавший быть решительно освобожденным от всего объективно значащего и признававший только свои внутренние нужды и потребности» [8, с. 137], – именно так можно охарактеризовать титана Возрождения. Однако такое стремление к тотальной самореализации также не породило личности революционера, т.к. титан мог выражать общечеловеческие интересы, мог бунтовать против конкретного папы римского или произвола какого-либо другого заказчика художественного произведения. Однако даже самые главные бунтари эпохи Ренессанса никогда не ставили вопроса о какой-то серьезной замене существующей социальной реальности. Революционность Возрождения, если можно так сказать, нашла свое воплощение в искусстве.

Ситуация меняется на рубеже XVI–XVII вв., когда происходят важные культурные и религиозные трансформации. Реформация, открытие Америки, формирование городского населения Западной Европы, зарождение науки, в том числе как социального института, появление и развитие капитализма – все это становится почвой для становления западноевропейской личности. Человек становится сам себе господином [9], он стремится к самостоятельности во всех ее проявлениях, а самостоятельность рождает и ответственность не только перед самим собой, но и перед тем обществом, в ко-

тором он живет. Личность признает и осознает свою принадлежность обществу и в то же время – инаковость, нетождественность с социумом. На этом противоречии рождается несогласие с миром как он есть, стремление изменить его, поиск тех сил, солидарное действие которых могло бы осуществить эти изменения. На этом стремлении вырастает личность революционера. Однако помимо этого несогласия зарождающийся тип личности революционера был носителем и выразителем колоссального чувства ответственности перед собой и *другими*. В отличие от бунтаря революционер никогда не довольствовался лишь удовлетворением и разрешением собственной проблемы (или даже проблемы «своей» социальной группы). Личные интересы революционера перестают быть только личными, когда он понимает, что общество, в котором он существует, есть результат его выборов и действий. Личность – это активный деятель [10, с. 358], отстаивающий интересы, далеко не всегда совпадающие с его личными. Примерами первых революционеров, на наш взгляд, могут быть Лютер и Мюнцер, которые стремились отстоять новое будущее своей страны, проявляя равнодушие к судьбам соотечественников. Революционер изучает ту социальную действительность, которая складывается вокруг него, и именно этим отличается от бунтаря. В «Катехизисе революции» С. Г. Нечаева можно обнаружить следующее: «Всегда и везде он (революционер) должен *быть не то, к чему его побуждают влечения личные*, а то, что предписывает ему общий интерес революции» [11, с. 244-245]. Таким образом, революционер совмещает в себе как индивидуальные, так и общественные стремления, что отличает его не только от бунтаря, но также и от террориста.

Сегодня нередко понятия террориста, бунтаря и революционера отожд-

ествляются. Эта ошибочная (а иногда и лженамеренная) дискурсивная практика приводит к непоправимым социальным коллизиям, когда под флагом борьбы с терроризмом уничтожаются силы, способные бороться с негативными социальными явлениями (коррупция, бюрократизм, военная угроза Отечеству). С другой стороны, откровенные террористы нередко мимикрируют под борцов-революционеров. В этой связи в современных реалиях важно видеть, что революционер и террорист – принципиально разные фигуры, в первую очередь по ценностным и целевым основаниям. Террористический акт замыкается на самом себе, он не обладает никакими иными целями и задачами, кроме как вызвать чувство страха, ужаса и ненависти. Революционное же действие предполагает цель изменения общества к такому его состоянию, в котором для многих людей открывается *большой диапазон свободы и социальной справедливости*. Интересно, что в свое время В. И. Ленин, старший брат которого был, как известно, террористом-народником, осудил террористические действия народовольцев поскольку «своей *непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть*» [12, с. 315], более того, несмотря на то, что террористы имели те же стремления, что и революционеры, а именно, освобождение народа, смену политического режима, их методы и инструменты качественно отличались. Террорист оказывался в большей мере тактиком, в то время как революционер – стратегом. Решение террористами ближайших тактических задач, действительно, ничего не решало в плане продвижения к революционной цели, но их гибель все же не была напрасной. Эти люди (в отличие от большинства современных террористов) были кристально честны в своих заблуждениях и продемонстрировали ценой своей жизни тот путь, которым

нельзя было двигаться в революцию. От этих террористов принципиально отличаются сегодняшние «борцы», организующие всеми способами акты по массовому уничтожению мирного населения. Современный террор многолик. Иногда он направлен против целых государств и народов, иногда против больших групп людей, совершенно случайно оказавшихся вместе в замкнутых пространствах. Однако далеко не всегда речь идет о прямом физическом насилии или уничтожении. Се-

годня мы встречаемся с корпоративным террором, направленным против людей, мыслящих иначе, чем представители вышестоящих инстанций. Все эти ситуации заставляют думать, что диагностика феноменов революционера/бунтаря/террориста необходима, а социально-философский анализ соответствующих понятий может стать значимой дискурсивной составляющей противодействия терроризму и поддержки подлинных революционных движений.

Список литературы / References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003. 254 с.
3. Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
5. Баткин Л. М. Избранные труды. В 6 т. Т. 3. Европейский человек наедине с собой. М.: Новый хронограф, 2016. 992 с.
6. Дунс Скот И. Трактат о первоначалах. М.: Издательство Францисканцев, 2001. 182 с.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. в 30 т. Т. 20. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1961. 858 с.
8. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
9. Гвардини Р. Конец нового времени / Феномен человека. Антология. М., 1993.
10. Ильенков Э.В. Что же такое личность? / С чего начинается личность. М.: Издательство политической литературы, 1984:319–358.
11. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.
12. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Издательство политической литературы, 1973. 590 с.
13. Engels F. Dialectics of Nature / Marx K. and Engels F. Works in 30 volumes. Vol. 20. 2nd ed. Moscow: Political Literature Publishing House, 1961. 858 p. (In Russ.)
14. Baudrillard J. Simulacra and Simulations / trans. from French by A. Kachalov. M.: Publishing House «POSTUM», 2015. 240 p. (In Russ.)
15. Zizek S. 13 Experiments on Lenin. M.: Ad Marginem Publishing House, 2003. 254 p. (In Russ.)
16. Plato. Republic / Translated from the ancient Greek by A.N. Egunov. M.: Academicheskii proekt, 2015. 398 p. (In Russ.)
17. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. M.: Art, 1984. 350 p. (In Russ.)
18. Batkin L. M. Selected Works. In 6 volumes. Vol. 3. The European Man Alone with Himself. M.: Novyi Khronograf, 2016. 992 p. (In Russ.)
19. Duns Scotus I. Treatise on First Principles. M.: Franciscan Publishing House, 2001. 182 p. (In Russ.)
20. Engels F. Dialectics of Nature / Marx K. and Engels F. Works in 30 volumes. Vol. 20. 2nd ed. Moscow: Political Literature Publishing House, 1961. 858 p. (In Russ.)
21. Losev A. F. Aesthetics of the Renaissance. M.: Mysl, 1978. 623 p. (In Russ.)
22. Guardini R. The End of Modern Times / The Phenomenon of Man. Anthology, M., 1993. (In Russ.)
23. Ilyenkov E.V. What is personality? // Where does personality begin? M.: Political Literature Publishing House, 1984:319–358. (In Russ.)
24. Revolutionary radicalism in Russia: the nineteenth century. Documentary publication / Ed. E.L. Rudnitskaya. Moscow: Archaeographic Center, 1997. 576 p. (In Russ.)
25. Lenin V. I. Report on the 1905 Revolution // Complete Works. Vol. 30. M.: Political Literature Publishing House, 1973. 590 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Савельева Александра Борисовна, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID0009-0009-5006-9691, e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Information about author

Savelyeva Alexandra Borisovna, Assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID0009-0009-5006-9691, e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Поступила в редакцию 30.05.2025; принята к публикации 27.08.2025.
Received 30.05.2025; accepted 27.08.2025.